Водный вопрос Центральной Азии и борьба за региональное лидерство

Water Cooperation in Central Asia and Competition for Regional Dominance

Ph.D. Candidate Dina Kurkova (National Research University, HSE, Russia)

Abstract

This article examines the water related problem in the context of contemporary security relation in Central Asia. The competition for regional dominance has developed in Central Asia for the last decade. The water-related problems are likely to increase tensions in the region, even to begin the wars over water. In this article the author explains why water-related problems in Central Asia can't be solved in medium-term perspective. Global hegemon, the USA, regional hegemons, Russia and China, and regional hegemon challengers, Uzbekistan and Kazakhstan, use fresh water as a weapon to pressure each other. Given the fact that the interaction between these states concerns question not just of water cooperation but also of balance of political, military and economic dominance, the author assumes that the water-related problem in Central Asia can be understood as one tool in hegemonic completion.

1 Введение

Риски, с которым сталкивается сегодня постсоветская Центральная Азия, приводят к тому, что конфликтный уровень в регионе достаточно высок. В первую очередь риски центральноазиатского региона принято связывать с угрозами терроризма, экстремизма, в том числе религиозного, и с борьбой за энергетические ресурсы. Однако в последние годы все чаще среди потенциальных угроз называют и проблему обеспеченности водными ресурсами. Для территории с жарким и сухим климатом вопрос обеспечения населения пресной водой всегда был актуальным, особенно в условиях орошаемого земледелия. Но только в начале XXI века споры за доступ к пресной воде стали грозить перетечь в вооруженные конфликты. Истоки этой проблемы уходят в 1930-40-е годы, когда советская власть инициировала создание в регионе электроэнергетической отрасли на базе горных рек. Именно в тот момент были созданы предпосылки для сегодняшнего острого противоречия между интересами низинных, но более развитых в экономическом отношении стран и интересами стран, контролирующих высокогорные районы, где берут свое начало реки, питающие весь регион.

Необходимость поиска компромисса в пользовании трансграничными бассейнами крупных рек не раз вставала перед самыми разными странами. Вопросы регулирования водопользования рассмотрены международным правом, многочисленные международные организации занимаются выработкой возможных вариантов взаимовыгодного решения или, по крайней мере, консенсуса. Такие проекты неоднократно создавались и для Центральной Азии, но не нашли своего воплощения. Уникальность ситуации состоит в том, что страны Центральной Азии уже имеют опыт совместного водопользования в рамках заданной системы. Речь идет о советской эпохе, когда поставки углеводородов и жесткий контроль над режимом водопользования создавали условия для соблюдения относительного баланса интересов. Безусловно, данная система не могла продолжить свое существование после распада СССР и перехода к рыночному хозяйству. Однако она не просто не была модифицирована под новые политические и экономические условия. В настоящий момент можно наблюдать своеобразное отрицание странами региона любой предлагаемой системности в попытке урегулирования водного вопроса. При декларируемой в политической риторике первостепенной важности решения проблемы пользования водными ресурсами вектор принимаемых усилий направлен не на кооперацию, а на индивидуализацию. Очевидно, что, руководствуясь лишь стремлением учесть только собственные национальные интересы, вопросы трансграничного характера решить невозможно. В случае, если бы не существовало предыдущего, советского, опыта взаимодействия стран по этому вопросу, можно было бы предположить, что компромисс действительно не может быть найден, а интересы стран региона строго полярны. В существующей же ситуации объяснением такого рода тактики может служить гипотеза о том, что существуют некие иные интересы, которые препятствуют взаимодействию стран по водному вопросу, а водный вопрос является лишь инструментом в реализации этих интересов, а не собственно приоритетом деятельности. На наш взгляд основной целью в стратегическом взаимодействии центральноазиатских стран является завоевание регионального лидерства, а водноэнергетическая проблема рассматривается как рычаг в этой борьбе.

Соответственно, водный вопрос в ЦАР можно рассматривать как состоящий из двух компонентов – экономико-экологического (ухудшение положения с водными ресурсами в регионе невозможно отрицать)

и политического. Экономико-экологическая компонента определяет силу действия этого рычага в политической борьбе. Чем острее встает водный вопрос, тем эффективнее становится рычаг воздействия. Следовательно, заинтересованность в решении водноэнергетической проблемы в политическом истеблишменте крайне низкая. Водный ресурс исключительно выгодный аргумент в политическом дискурсе, т.к. пресная вода жизненно важна, не имеет альтернативы, не несет на себе стереотипа сырья для торговли и спекуляции. Политическая компонента в водном вопросе выражается в стремлении использовать «водный рычаг» в борьбе за региональное лидерство и тем самым реализовать имеющиеся преимущества. Соответственно, решив вопрос, какая из компонент доминирует, можно будет судить о возможных путях решения водноэнергетической проблемы в ЦАР и вообще о возможности ее решения.

2 Экономико-экологическая составляющая водноэнергетической проблемы ЦАР

Основной характеристикой водного потенциала Центральной Азии является его неравномерное распределение. При усредненной оценке на регион в целом обеспеченность водными ресурсами можно определить как выше среднего. Однако неравномерность распределения и специфика использования имеющейся пресной воды приводят к фактической ее нехватке. Водный потенциал Центральной Азии обеспечивается в основном стоком двух самых крупных рек региона – Сырдарьи и Амударьи. Особенностью водостока этих рек является тот факт, что $\frac{3}{4}$ их водостока формируются в высокогорных районах Киргизии (в случае Сырдарьи) и Таджикистана (в случае Амударьи), а в нижнем течении в основном расходуются на орошение сельскохозяйственных земель. Также основные запасы пресной воды Центральной Азии сосредоточены в ледниках (60% из которых контролирует Таджикистан). Кроме того, в регионе имеются крупные озера естественного происхождения (Сарыкамыс, Соленое, Сарез и др.), а также сеть искусственных водохранилищ, каналов, гидроузлов, построенных большей частью в советскую эпоху для обеспечения ирригации и выработки электроэнергии. Таким образом, в ЦА можно четко выделить две группы стран: страны-доноры (Таджикистан и Киргизия – 2 и 3 место по СНГ после РФ по обеспеченности водой), контролирующие истоки основных рек и горные ледники, и страны-акцепторы, получающие пресную воду из рек, берущих начало в соседних странах (Узбекистан, Туркменистан, Казахстан). При этом в экономическом отношении страны-потребители являются экономическими лидерами региона. Именно на них приходится основное потребление пресной воды (более половины потребления пресной воды в регионе приходится на Узбекистан). Кроме того, имеет место столкновение двух традиционных типов хозяйствования: равнинного земледелия и скотоводства, в том числе и высокогорного. Узбекистан и Туркменистан с развитым аграрным сектором, ориентированным на выращивание промышленных культур, вынуждены получать воду от стран, где более 80% территории занимают горные массивы, развито преимущественно скотоводство, а аграрный сектор представляет собой мелкие домохозяйства.

Нехватка пресной воды как для хозяйственных, так и для бытовых нужд населения региона становится все более существенной проблемой в последние десятилетия. Отчасти эта проблема стала следствием введенной советским правительством системы хозяйствования в регионе. Среднеазиатские республики позиционировались как территория для выращивания хлопчатника, необходимого промышленного сырья. Это стимулировало развитие ирригационных систем в регионе, в том числе достаточно передовых для своего времени. Были построены сети каналов (Каракумский, Кызылкумский, Большой Ферганский, Южноферганский, Чуйский и др.), благодаря которым удалось существенно расширить посевные площади региона. Так, если в начале XX в. посевные площади составляли около 2,5 млн. га, то к концу XX в. они превысили 8 млн га. Водопользование в ту эпоху регулировалось центром и ориентировалось на экономическую целесообразность в хлопководстве. Преимущество в пользовании водными ресурсами имели республики, выращивающие хлопчатник. Киргизия и Таджикистан использовали не более четверти собственных водных запасов, а нехватка энергии в зимние периоды компенсировалась поставками углеводородов из соседних республик. Несмотря на то, что кризисные явления в центральноазиатском водопользовании принято связывать прежде всего с постсоветской эпохой, тупик в развитии подобной системы хозяйствования наметился еще в советское время. Расход воды достиг 90% от всей пресной воды региона, поэтому возможности для расширения орошаемых земель существенно снизились. Ирригационная система, модернизированная на уровне гидроузлов и каналов, оканчивалась традиционными арыками с грунтовыми стенами. Около трети воды уходило в почву, засаливая грунты, что еще больше снижало плодородность. Неконтролируемое использование удобрений и пестицидов также способствовало засаливанию и образованию целых озер сточных с полей вод, загрязненных химикатами. Итогом такого подхода стала экологическая катастрофа Аральского моря, когда недостаток стока Амударьи привел к потере более 60% площади моря. Экологические проблемы, доставшиеся центральноазиатским государствам в наследство от советской эпохи, требуют значительных материальных вложений, которые вряд ли будут сделаны в среднесрочной перспективе, учитывая общий невысокий уровень экономического развития региона. Односторонние же усилия не дают нужного эффекта, а зачастую обнуляются действиями соседних стран. Так, приложенные Казахстаном усилия по

оводнению северной части Арала могут быть сведены на нет решением Туркменистана о строительстве водохранилищ в Каракумах.

Помимо экологических проблем на водный вопрос в Центральной Азии имеет огромное влияние, нарастающее демографическое давление в регионе. Особенностью ЦАР является наличие огромных территорий малопригодных для проживания. Это прежде всего горные массивы, пустыни и полупустыни. В результате средняя плотность населения в стране не полностью отражает существующую остроту ситуации. Ярким примером является Узбекистан. Несмотря на большую площадь республики, все население сконцентрировано преимущественно в плодородных долинах рек, где находятся как сельскохозяйственные земли, так и крупные города. Это приводит к тому, что в некоторых районах страны, таких как Каракалпакия, откуда наблюдается стремительный отток населения в связи с опустыниванием и пересыханием Аральского моря, плотность населения составляет всего 6 – 8 человек на 1 кв. км. Тогда как в таких областях, как Ферганская и Андижанская, плотность населения превышает 400 человек на 1 кв. км. В среднем по стране плотность населения составляет 62,9 человек на кв. км. Аналогичная ситуация характерна для Таджикистана, 80% территории которого занимают горные массивы. Основная масса населения сосредоточена в Гиссарской и Вахшской долинах, где средняя плотность населения превышает 200 человек на 1 кв. км., в то время как на Памирском нагорье она меньше 0,5 человека на кв. км. Менее остро демографическое давление ощущается в Киргизии, но и там основная масса населения сосредоточена в долинах, например в Чуйской, где находится Бишкек, там плотность населения превышает 100 человек на 1 кв. км, при средней по стране в 27,9 человек на 1 кв. км. В результате самые густонаселенные районы наиболее чувствительны к нехватке воды, т.к. именно там сосредоточены сельскохозяйственные угодья. При этом в постсоветский период экономики центральноазиатских стран пережили серьезный регресс к аграрно-индустриальному, а в некоторых регионах и к аграрному типу хозяйствования. Население ранее занятое в промышленности или сфере обслуживания в ходе деиндустриализации было вынуждено вернуться к традиционному земледелию. Высокое демографическое давление служит катализатором социальных конфликтов. Общее стремление власти «предъявить счет» за нехватку воды или отсутствие электричества соседнему государству приводит к тому, что социальное напряжение выражается в межэтнических столкновениях. Миграция является тем клапаном, который помогает частично снять демографическое давление. Но, учитывая, что водный вопрос так и не находит своего решения, водный дефицит будет и дальше стимулировать миграцию молодого населения из региона, т.к. сельское хозяйство не сможет обеспечить необходимый уровень жизни, а сокращение посевов промышленных культур неминуемо скажется на производстве.

Безусловно, экологическое и демографическое давление вносят весомый вклад в экономико-экологическую составляющую водного вопроса. Тем не менее основной конфликтный потенциал находится на стыке водного и энергетического вопросов. Единая региональная энергосистема, созданная в советское время, существует до сих пор. Однако принцип цикличности, положенный в её действие, нарушен, что неминуемо приводит к конфликтам. Система была построена на сезонных циклах, при которых ГЭС Киргизии и Таджикистана в теплое время года поставляли электроэнергию в соседние республики, а зимой весь регион получал энергию от ТЭС, расположенных в равнинных республиках, а в Киргизию и Таджикистан поставлялись углеводороды для обогрева. С разрушением единой экономики система циклов не была адаптирована к рыночным условиям и функционированию между независимыми государствами. Сложная экономическая ситуация в стране не всегда позволяла зимой Киргизии и Таджикистану закупать углеводороды в достаточном количестве, особенно в условиях, когда соседние страны (в том числе Узбекистан) сезонно поднимали цены на газ. За неимением собственных источников углеводородов основная нагрузка в холодное время года в этих странах ложится на электроэнергию. В этой связи периодически зимой происходят сбросы воды из высокогорных водохранилищ, что приводит зимой к затоплениям посевных площадей в странах ниже по течению, а летом - к засухам. В результате интересы стран, находящихся выше по течению пришли в противоречие с интересами стран, находящихся ниже по течению. Первые стремятся получить максимальную выгоду от производства и продажи излишков электроэнергии. Вторые требуют соблюдения необходимого режима водостока, чтобы обеспечить ирригацию сельскохозяйственных территорий. В результате сложившуюся ситуацию можно описать как игру с нулевым результатом. Гидроэнергетическая система Киргизии и Таджикистана работает на обеспечение нужд сельского хозяйства соседних стран, что блокирует возможности для наращивания мощностей и экспорта электроэнергии в соседние страны. Страны в нижнем течении Амударьи и Сырдарьи оказались в водной зависимости от своих соседей и, несмотря на свое экономическое превосходство, могут рассчитывать только на добрую волю соседей, периодически оказываясь перед угрозой наводнения или засухи.

Экспортный потенциал и Таджикистана, и Киргизии крайне ограничен. В этой связи их стремление к коммерциализации водной отрасли понятно, т.к. это может дать стабильный приток в бюджет иностранной валюты. Страны-доноры используют на свои нужды только 20% водных ресурсов, остальные 80% безвозмездно потребляются соседними странами. Все республики в нижнем течении рек

негативно воспринимают практику превращения воды в товар, т.к. считают воду всеобщим и жизненно важным достоянием, торговля которым невозможна. Такой подход действительно правомерен, однако в случае Центральной Азии страны низовий рек получают воду через сеть гидротехнических сооружений, находящихся на территории соседних стран, но предназначенных для нужд стран-акцепторов. В результате финансовое бремя поддержания работоспособности системы полностью ложится на плечи стран-доноров. При этом любые попытки стран-доноров модернизировать гидротехнические сооружения на своей территории под свои нужды, т.е. для увеличения производства электроэнергии, воспринимаются странами-акцепторами крайне негативно, т.к. это может привести к изменению режима водообеспечения.

Таким образом, можно заключить, что экономико-экологическая составляющая водной проблемы обладает большим конфликтогенным потенциалом. На самых разных уровнях от угрозы экологической катастрофы до межэтнических столкновений пресная вода в Центральной Азии может стать поводом для конфликта. При этом очевидно, что ни одна из указанных выше проблем не является тупиковой. Часть их них может быть решена путем материальных вливаний (модернизация арычной системы и системы ЖКХ, строительство новых гидротехнических сооружений, экологические мероприятия, препятствующие загрязнению и засаливанию почв и пр.). Другие лежат в плоскости социальных проблем и могут быть решены только в ходе развития экономики и общества. Ключевая же проблема конкуренции гидроэнергетики и сельского хозяйства не является уникальной в мировой истории. Проекты по решению такого рода задач предполагают обычно либо оплату за полученную летом воду (как это и делалось, по сути, в СССР), либо строительство собственных водохранилищ на территории нижних по течению стран (в случае ЦА это низкоэффективный вариант, т.к. большое поверхностное испарение приводит к большой потере воды, тем не менее подобные водохранилища строятся во всех трех низинных странах ЦАР), либо строительство каскадов ГЭС и водохранилищ, где верхние уровни будут использованы для выработки электроэнергии, а нижние для аккумуляции воды в сезон (что требует кооперации и высокого уровня доверия, которого пока невозможно достичь). Однако ни один из возможных вариантов в Центральной Азии не реализуется. Несмотря на явную тенденцию к усугублению ситуации, очевидно желание республик сохранить статус-кво. Отчасти это может быть объяснено трудной экономической ситуацией, в которой оказались центральноазиатские государства после обретения независимости. Водный вопрос в такой ситуации не рассматривается как приоритетный для принятия конкретных мер и поисков решений. В условиях присутствия террористической и экстремистской угроз экологические проблемы, даже непосредственно связанные с таким жизненно важным ресурсом как пресная вода, отодвигаются на второй план. А столкновение интересов гидроэнергетики и аграрного сектора рассматривается в качестве столкновения национальных интересов, выводя этот вопрос из плоскости экономики в политический дискурс. Именно этот переход к политической составляющей делает невозможным решение водного вопроса с помощью проектов, основанных на принципах экономической целесообразности и сотрудничества. Гидроэнергетическая система Центральной Азии изначально создавалась как единая. Более того, до сих пор она продолжает работать как единая для всего региона, хотя все стороны высказывают недовольство результатами ее работы. Безусловно, получение республиками независимости и переход к рыночным отношениям сделали необходимым реформирование принципов организации этой системы. Однако уже в течение более, чем 20 лет этого не происходит, а по мере усугубления проблемы правительства всё больше уводят её в область политики.

3 Политическая составляющая в водноэнергетическом вопросе в Центральной Азии

Важнейшей составляющей международных и политических процессов в Центральной Азии на сегодняшний день является борьба за региональное лидерство. В теории международных отношений существует несколько подходов к теории глобального лидерства (*hegemony*), в соответствии с которым выстраивается глобальная иерархия соотношения сил. Большинство из теорий были выработаны после окончания «холодной войны» и определяли США как глобального гегемона. В связи с тем, что концепция иерархии изначально разрабатывалась в парадигме политического реализма и неореализма, то фактор силы (*power*) был ключевым для определения места в иерархии. Стоящий на вершине иерархии гегемон исполнял роль мерила силы, соответственно, остальные места в иерархии распределялись относительно его влияния. Концепция регионального лидерства (*regional hegemony*) была разработана гораздо позже. В данной работе мы будем исходить из концепции многоуровневой иерархии (*multi-level hegemony*), основываясь на идеях Д. Лемке о мультииерархичной модели (Lemke, 2002) и теории региональных комплексов безопасности Б. Бузана (Buzan and Waever, 2003). Согласно Д. Лемке, глобальная иерархия состоит из параллельных и соподчиненных субиерархий регионального и субрегионального масштаба. Они устроены согласно логике глобальной иерархии, и во главе каждого региона или субрегиона стоит региональный или субрегиональный лидер. Глобальные и региональные лидеры могут вмешиваться в дела нижестоящих иерархий, если существующее положение дел расходится с направлением их развития. В остальных случаях субрегиональные и региональные вопросы решаются собственными лидерами без

вмешательства лидеров, вышестоящих в иерархии силы. (Lemke, 2002) Согласно, Б. Бузану существуют сверхдержавы и великие державы, которые взаимодействуют на глобальном уровне, в то же время существуют региональные державы, чье влияние на локальном уровне может быть чрезвычайно высокими, однако они не включены и не будут включены в круг мировых лидеров. Однако Б. Бузан применяет свою теорию исключительно к вопросам безопасности, не рассматривая экономическое влияние или т.н. «мягкую силу». (Buzan and Waever, 2003) И глобальная, и региональные иерархии периодически переживают трансформации, лидерство в них оспаривается новыми державами, претендующими на первенство (challengers). Соответственно, борьба за лидерство – это тот процесс, в ходе которого определяется структура новой иерархии, причем данный процесс свойственен иерархиям всех уровней. Однако мы предполагаем, что лидеры вышестоящих иерархий могут вмешиваться в борьбу за лидерство в нижестоящих иерархиях.

В данной работе под субрегионом мы будем подразумевать Центральную Азию, под регионом – постсоветское пространство. В субрегиональном масштабе в Центральной Азии в последнее десятилетие имеет место процесс формирования иерархии. Находившиеся сначала под контролем Российской империи, а затем в составе СССР республики обрели независимость в 1990-е гг., и центральноазиатский субрегион выделился на постсоветском пространстве. Первое десятилетие определило векторы развития каждой из республик. Этот период был временем государственного строительства, в процессе которого для некоторых стран Центральной Азии остро стоял вопрос простого выживания. В этот период было задано то направление экономического и общественно-политического развития, которое мы можем наблюдать сейчас. Иерархии в чистом виде на тот момент в субрегионе сформировано не было.

К началу 2000-х годов в Центральной Азии национальные государства в Центральной Азии полностью оформились и начались процессы формирования субрегиональной иерархии. Двумя основными конкурентами являются Казахстан и Узбекистан. Помимо лидерских амбиций, подкрепленных историческими и мифологическими основаниями, эти два государства демонстрируют самые высокие темпы экономического развития в субрегионе. Кроме того, явно авторитарный вектор внутренней политики в этих республиках определяет и внешнеполитические лидерские амбиции. При этом, Узбекистан обладает крайне выгодным геополитическим положением, находясь в самом сердце Центральной Азии и контролируя древние культурные центры. Кроме того, Узбекистан располагает самыми мощными в Центральной Азии военными силами. Это позволяет ему вести независимый от РФ политический курс, избегать вступления в иницилируемые ей интеграционные объединения, в то время как остальные страны Центральной Азии продолжают видеть в России гаранта безопасности, а следовательно вынуждены действовать с учетом ее интересов. Выход Узбекистана из ОДКБ особенно ярко продемонстрировал эту тенденцию. Отсутствие общей границы с Китаем позволяет Узбекистану занимать достаточно гибкую позицию в отношениях с ним и ограничивать его экономическую экспансию в регионе. Дополнительным фактором в стремлении к субрегиональному лидерству Узбекистана является его готовность взаимодействовать напрямую с глобальным лидером – США. Вывод войск из Афганистана в 2014 г. заставляют США искать партнера в Центральной Азии. Именно Узбекистан с его относительно независимой от РФ политикой рассматривается как основной партнер. Казахстан, демонстрируя гораздо более высокие темпы развития, обладая большей территорией и населением, а также большими ресурсами углеводородов, оказался в гораздо более сложной ситуации для выражения своих лидерских амбиций в субрегионе. Тесные связи с соседними Россией и Китаем, необходимые для успешного экономического развития, особенно в энергетическом секторе, связывают Казахстан в наращивании собственного веса в субрегионе, особенно в отношении наращивания военной силы. Таджикистан в силу тяжелой политической и экономической ситуации долгое время не мог претендовать на участие в борьбе за лидерство. Однако с относительным урегулированием ситуации в стране, а также после изменения курса президента Э. Рахмона в сторону более авторитарного, Таджикистан пытается принять участие в борьбе за место в иерархии. Безусловно, он не претендует на место гегемона, его тактика заключается скорее в ослаблении позиции соперников с помощью всех возможных рычагов. Киргизия до середины 2000-х действовала в теоретическом ключе, активно разрабатывая историко-мифологические основания для своего лидерства в субрегионе. Затянувшийся политический кризис и экономическая стагнация полностью лишили Киргизию шансов на повышение своих позиций в иерархии. Она остается аутсайдером региона, и её слабость используют более сильные региональные игроки, Россия и Китай. Особенное положение занимает Туркменистан. Имея достаточно крепкую экономику, основанную на экспорте газа, Туркменистан занимает обособленную позицию и ориентирован на внешние силы, а не на поиск своего места в субрегиональной иерархии.

В результате на субрегиональной арене происходит соперничество трех сил, две из которых (Казахстан и Узбекистан) претендуют на позицию субрегионального лидера, а третья (Таджикистан), не имеющая достаточного потенциала, но обладающая некоторыми рычагами влияния на соперников (в том числе водный вопрос), активно принимает участие в гонке.

Одновременно с субрегиональными акторами в установлении субрегиональной иерархии происходит борьба между региональными лидерами (Россия и Китай) и глобальным лидером (США), пытающимся утвердиться как субрегиональный лидер в Центральной Азии. Влияние регионального лидера, России, в Центральной Азии было традиционно высоким. Хотя сама Россия столкнулась с серьезными трудностями в переходный период после распада СССР, она всегда сохраняла свое присутствие в Центральной Азии в основном в сфере энергетики и в вопросах безопасности. До настоящего времени сотрудничество именно в этих направлениях остается приоритетным. Кроме того, центральноазиатский регион продолжает сохранять для России статус «зоны политических интересов». Политические элиты центральноазиатских стран сменились еще не полностью относительно советского периода, что во многом сближает их с РФ. Россия же реализует свои амбиции регионального лидера, выступая с интеграционными инициативами, целевой аудиторией которых оказываются прежде всего центральноазиатские страны. Китай осуществляет экономическую экспансию в регион и, несмотря на обширные инвестиции (в том числе в энергетическую отрасль), его интересы не входят в прямое противоречие с интересами РФ, которая претендует на политическое влияние. В рамках ШОС Россия и Китай ведут согласованную политику безопасности. Такое комплементарное совпадение позиций РФ и Китая позволяет им вести относительно согласованную политику против попыток глобального лидера США утвердить свое влияние в Центральной Азии. После распада СССР США планомерно пытается усилить свое присутствие в регионе, используя как экономические методы, так и распространяя свое военное присутствие, что противоречит интересам и РФ, и Китая. Борьба с терроризмом и ввод войск в Афганистан позволяли США в начале 2000-х открыть свои военные базы в Узбекистане и Киргизии. В связи с выводом войск из Афганистана в 2014 году США в настоящий момент работают над созданием надежной площадки для установления контроля над центральноазиатским регионом, включая Афганистан. Об этом свидетельствуют и новые стратегии США, такие как «Новый шелковый путь», и усиление инвестиционных потоков в экономики центральноазиатских стран. Каспийские углеводороды являются объектом пристального внимания со стороны США. Казахстан контролирует большую часть углеводородных запасов Каспия на суше в ЦА и все больше открывает рынок добычи этих ресурсов для Китая.

Таким образом, помимо борьбы между субрегиональными претендентами на лидерство в иерархии, в которой принимает участие и региональный лидер РФ, в Центральной Азии развернулась борьба за место в региональной иерархии между глобальным лидером США и региональными лидерами РФ и Китаем. При этом Китай пока занимает сдержанную позицию, действуя преимущественно экономическими методами, а в вопросах безопасности проводя политику, не противоречащую позициям РФ.

В условиях этой борьбы все стороны используют прямо или опосредовано «водный рычаг» для укрепления своих позиций. Связка воды и энергетики расширяет круг заинтересованных сторон и одновременно усиливает эффективность рычага. Активнее прочих проблему водных ресурсов использует Узбекистан, т.к. он является страной-реципиентом, что ставит его в позицию жертвы и служит оправданием агрессивным высказываниям. При этом поддержка со стороны США делает позицию Узбекистана все более сильной и независимой от России. Ослабление собственного влияния на Ташкент и усиление присутствия США в регионе РФ воспринимает достаточно болезненно, что заставляет ее оказывать давление на Узбекистан через лояльных России соседей. В случае с лояльными Киргизией и Таджикистаном самое эффективное воздействие может быть оказано именно через водный вопрос. Одним из примеров использования водного вопроса в условиях борьбы за региональное лидерство можно было наблюдать осенью 2012 года. В конце августа 2012 года помощник по Южной и Центральной Азии Роберт Блейк посетил Узбекистан, где презентовал новую стратегию США «Новый Шелковый путь», которая является реакцией на интеграционные инициативы России в Центральной Азии. Согласно этой стратегии, должны быть усилены связи между Центральной и Южной Азией, в том числе за счет строительства транспортной инфраструктуры и обеспечения транзита энергетических ресурсов. Такой проект, очевидно, входит в конфликт и с российскими инициативами, и с китайскими попытками включить Центральную Азию в зону своего влияния. В ходе визита были заключены договора на 2,8 млрд. долларов прямых инвестиций в экономику Узбекистана, также заключены договоренности о закупках в Узбекистане для американской группировки в Афганистане, кроме того заключен параллельный договор с Южной Кореей о прямых инвестициях в экономику Узбекистана. В неофициальных кругах появилась информация о возможных договоренностях о закупке узбекского урана американцами. Надо отметить, что свой визит в Центральную Азию Р. Блейк начал с Казахстана, однако в итоге презентация стратегии и заключения договоров происходили именно в Узбекистане. Кроме того, Узбекистан получает гарантии о модернизации собственных военных сил за счет техники, которую после вывода войск американская сторона передаст Узбекистану. Уже в начале сентября 2012 г. И. Каримов в ходе своего визита в Казахстан заявляет, что водный вопрос достиг такой остроты, что может быть решен с помощью военных действий. (Inosmi.ru, 2012) Указав, что строительство новых ГЭС коснется не только узбеков, но и казахов, И. Каримов тем не менее не получил поддержки казахского руководства. Менее, чем через две недели, в сентябре 2012 года, президент России В. Путин в Киргизии В. Путин заявляет о

том, что будет поддерживать стремление Киргизии вступить в Таможенный союз и одновременно заключает соглашение о строительстве сразу 2 крупных гидротехнических сооружений в Киргизии Камбар-Атинской ГЭС-1 и Верхне-Нарынского каскада ГЭС, что напрямую затрагивает интересы Узбекистана, т.к. уменьшится сток Нарына, а следовательно, водоснабжение Ферганской долины. (Newsru.com, 2012) Вторым пунктом российского-киргизского диалога было обсуждение российской военной базы рядом с Бишкеком. Уже в октябре 2012 г. В. Путин посещает Таджикистан. Там он заключает договор о продлении российского военного присутствия в Центральной Азии в виде 201 российской военной базы, обещая поддержать таджикские инициативы по строительству средних и малых ГЭС, не упоминая финансирование самого амбициозного таджикского проекта, Рогунской ГЭС. Также В. Путин приглашает Таджикистан присоединиться к Таможенному союзу. (Vedomosti, 2012) Параллельно Китай активизирует свои проекты по строительству ЛЭП «Датка – Кемин», который позволит Китаю получать электричество от каскада Нарынских ГЭС напрямую из Киргизии без транзита через узбекскую территорию. (Kabar.kg, 2012) В результате в ответ на шаги узбекского руководства по сближению в США все соперничающие игроки региона оказали на него давление с использованием двух основных рычагов – усиления военного присутствия и ужесточения позиций по водному вопросу. Уже в декабре 2012 г. И. Каримов заявил, что Узбекистан заинтересован в добрососедских отношениях и военного конфликта в Центральной Азии инициировано не будет. (Rosbalt, 2012) Очевидно, что все участники борьба за регионально лидерство продолжат движение к выбранным стратегическим ориентирам, а водный вопрос наряду с военным присутствием будет использован как инструмент в борьбе.

4 Заключение

Водноэнергетическая проблема Центральной Азии имеет две составляющие: экономико-экологическую и политическую. Перспективы решения водноэнергетической проблемы напрямую зависят от того, какова будет доля политической составляющей. Экономико-экологическая составляющая, безусловно, задает остроту проблемы, но с помощью создания совместных консорциумов и определения режима взаимовыгодного пользования водными ресурсами может быть решена. На сегодняшний день основным препятствием к урегулированию водного вопроса в Центральной Азии является отсутствие политической воли к его урегулированию. Это связано с тем, что водный вопрос используется как рычаг влияния на соперников в ходе борьбы за региональное лидерство. Причем этим рычагом пользуются как местные, субрегиональные, игроки, так и игроки более высокого уровня, что продемонстрировано на кейсе о противостоянии блока Узбекистан – США и Россия – Китай – Киргизия – Таджикистан осени 2012 г. Более того, обострение водноэнергетического вопроса в данных условиях является выгодным для всех участников политической борьбы, т.к. это повышает эффективность рычага влияния. Соответственно, ожидать в среднесрочной перспективе урегулирования водноэнергетического вопроса в Центральной Азии не приходится. До тех пор, пока в регионе не сформируется относительно твердая иерархия сил, водный вопрос будет необходим для осуществления давления на соперников. Осень 2012 г. показала, что он с успехом потенциально может быть использован как повод для развязывания краткосрочной войны в регионе. Усиление Узбекистана после вывода американских войск из Афганистана может стимулировать желание этой страны утвердиться на лидерских позициях в регионе с помощью начала военных действий, например, в Ферганской долине с Киргизией. Нарастание российского военного присутствия будет сдерживающим фактором для такого развития событий. Однако во многом среднесрочная перспектива будет определяться и теми силами, которые сменят у власти президента И. Каримова.

Литература

- Lemke, 2002, **Regions of War and Peace**, Cambridge Studies in International Relations
- Buzan, Weaver, 2004, **Regions and Powers**, Cambridge Studies in International Relations
- Inosmi.ru, 13.09.2012 <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20120913/199096072.html>
- Newsru.com, 20.09.2012 <http://newsru.ru/world/20sep2012/kyrgyzbase.html>
- Ведомости, 05.10.2012
http://www.vedomosti.ru/politics/news/4700171/putin_obmenyal_bazu_v_tadzhikistane_na_smyagchen_ie
- Kabar.kg, 24.08.2012 <http://www.kabar.kg/rus/economics/full/39169>
- Posbalt.ru, 10.12.2012 <http://www.rosbalt.ru/exussr/2012/12/10/1069524.html>